

Действие второе

ДОПИСАТЕЛЬНОЕ

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)

В котором Писатель становится оратором, делится приемами писательства и рассказывает о снежинках.

Аудитория для занятий. Из незашторенного окна, как и прежде, льется яркий свет и неоправданные ожидания. Надпись на флипчарте: «Писательство как тренировка». В аудиторию входят Филологиня, Писатель и Маркетолог. Писатель целует руку Филологине. Рука и остальные видимые части Филологини краснеют. Маркетолог жмет руку Писателю.

Голос Добрый день. Сегодня мы обсудим, как тренировать писательское мастерство.

Маркетолог Простите, а мастерство разве можно тренировать? Тем более писательское. Вроде, талант или есть, или его нет.

Писатель Безусловно, есть счастливые темечки, к которым однажды приложились высшие силы. Но тренироваться можно и не целованным Боженькой.

Мне не известны случаи, когда упорство и практика мешали гениям. В конце концов, даже если в процессе выяснится, что

природа, жадная стерва, таланта все же не выделила, всегда можно стать качественным ремесленником. За это тоже получают деньги. Иногда даже большие.

Маркетолог

(Хмыкает). Как же признание, желание быть нужным и вот это все?

Писатель

Право, юноша, вам ли не знать? Ведь судьба такие финты выдает, плутовка! Был ли при жизни признан Стендаль? Кафка? А бедняга Китс?

Если вы меня спросите, я скажу: нужно учиться писательству. Необходимо. В лучшем случае, вы окунетесь в мастера слова, рано или поздно признанного. В худшем — вы станете графоманом, и спустя десятилетия потомки из жалости самиздатом напечатают ваш самый емкий труд. По моему скромному мнению, не самый страшный исход.

Филологиня

А вы сами какие-то упражнения используете? Или работаете, когда появляется вдохновение?

Писатель

Ох, иногда мне кажется, что вдохновение — это отговорка. Или, по меньшей мере, счастливое стеченье обстоятельств. Знаете, когда проснулся поутру, а на улице тихо-тихо. Соловьи допеваю, прохлада тает росинками на траве. И кофе твой не сбежал, и музыка не дурацкая в голове играет. И так спокойно

на душе! Садись со своей музой, посыпай вас обоих волшебной пыльцой и сливайся в текстовом экстазе.

Но что делать в ноябре? Когда нет кофе? Когда музу ушла к другому?

Тогда разбудить творчество помогают упражнения. Чтобы приучить себя работать.

Филологиня

(Нетерпеливо). Ну не томите! Какие упражнения? Выработать привычку для интеллектуального компонента деятельности невозможно. Давайте хоть навыки разовьем.

Писатель

(Прокашлявшись). Разбудить воображение можно несколькими способами. Начнем с такого. Возьмите предложение из книги или журнала. Или реплику прохожего. Это станет частью вашей истории. Началом ли, финальными словами или связкой где-то посередине.

Вот, например, первая фраза из «Вина из одуванчиков» Брэдбери:

Утро было тихое, город, окутанный тьмой, мирно нежился в постели.*

Это может стать интригующим началом целой фантастической повести о злобных

* Перевод Э. Кабалевской.

пришельцах. А может, это история о войне? А может, это история бездомного мальчишки? А может, это последние строки из дневника одной юной барышни, с которой случилась безответная любовь?

Попробуйте. С таким методом у вас уже есть какие-то рамки, в которых вы творите. То есть, вы пишете не с чистого листа, а с какими-то вводными.

Подслушивать людей на улицах так гораздо интереснее. **Вырванная из диалога фраза** также может стать частью вашего произведения. Просто попробуйте представить, о чем прохожие могли говорить до этого и как их беседа закончится.

Следующее упражнение подойдет вам в двух случаях: если вы владеете несколькими языками или готовы к лингвистическим сложностям.

Так вот, если свой текст не пишется, возьмите чужой.

И переводите.

Разумеется, для практики подойдут небольшие и не самые сложные тексты. В этом упражнении мы рассматриваем перевод как возможность передать произведение разными техниками, как скульптуру в акварели. Нам важно погрузиться в художественную реальность другого автора,

постараться понять этот чужой мир и передать эту вселенную через собственные ощущения.

Если совсем плохо с другими языками — делайте подстрочный дословный перевод, вначале просто доносите суть. А после — облагораживайте полученный материал художественно.

Наша задача при переводе и остальных упражнениях — разогреться, включиться, ощутить мышцу, которая отвечает за творчество, чтобы позже загрузить ее работой. То есть, мы не претендуем на точность перевода. Важнее — настроиться на текстовую работу, договориться с мышлением: «Эй, друг, мы сейчас будем собирать слова в предложения, одно другого элегантнее. Готовься».

Варианты одного и того же текста получаются совершенно разными. Вот сравните переводы романа «Над пропастью во ржи».

Первый и самый ранний вариант перевода — Риты Райт-Ковалевой:

Если вам на самом деле хочется услышать эту историю, вы, наверно, прежде всего захотите узнать, где я родился, как провел свое дурацкое детство, что делали мои родители до моего рождения, — словом, всю эту давид-коттерфилдовскую

муть. Но, по правде говоря, мне неохота в этом копаться. Во-первых, скучно, а во-вторых, у моих предков, наверно, случилось бы по два инфаркта на брата, если б я стал болтать про их личные дела. Они этого терпеть не могут, особенно отец. Вообще-то они люди славные, я ничего не говорю, но обидчивые до чертиков. Да я и не собираюсь рассказывать свою автобиографию и всякую такую чушь, просто расскажу ту сумасшедшую историю, которая случилась прошлым рождеством.

А вот тот же фрагмент в переводе Сергея Махова:

Если вы впрямь настроены послушать про всю тутюшнюю бодягу, то сперва наверно захотите узнать, где я родился, как происжало моё непутёвое детство, чем занимались родители прежде, нежели заполучить меня — короче, муру вроде наплётённой Дэвидом Копперфилдом — но, честно говоря, глубоко в прошлое лезть неохота. Во-первых, больно уж занудно; во-вторых, предки в обморок попадают, начни я трепать про их личную жизнь. Сразу начнут икру метать, особенно отец. Люди они вообще-то неплохие — тут уж без разговоров — но адски обидчивые.

Понимаете, не намерен я излагать собственное чёртова жизнеописанье. Просто поведаю, какая со мной в прошлое Рождество произошла дикая хреновина — ну, перед тем как совсем скис и припёрло даже приехать сюда, давы чуток оклематься.

И наконец самый свежий вариант перевода Максима Немцова:

Если по-честному охота слушать, для начала вам, наверно, подавай, где я родился и что за погань у меня творилась в детстве, чего предки делали и всяко-разно, пока не заимели меня, да прочую Дэвид-Копперфилдову херню, только не в жилу мне про все это тряиндеть, сказать вам правду. Во-первых, достало, во-вторых, предков было по две кондрашки хватило, если б я стал про них чего-нибудь личное излагать. Они насчет такого чувствительные, особенно штрик. Не, они нормальные всяко-разно, я ничего не хочу сказать, но чувствительные, как не знаю что. А кроме того, так я вам и выложил всю автобиографию, ага. Я вам только про безумное расскажу, что со мной случилось на прошлое Рождество, перед тем как меня шарахнуло и пришлось отвалить сюда расслабляться.

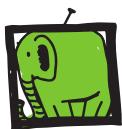
Филологиня заметно краснеет.

Маркетолог (Восхищенно). Ого, этот Максим смелый. Столько у него слов неприличных.

Филология Смею предположить, что обсценная лексика здесь нужна, чтобы подчеркнуть индивидуальность нарратора, его максимализм.

Писатель Все так. Напомню, роман написан от лица шестнадцатилетнего Холдена Колфилда. Манера изъясняться у подростков специфическая, поэтому важно было сохранить этот стилистический шарм повествования.

Перевод в качестве упражнения хорош и тем, что автору нужно больше читать. А чтение неразрывно связано с писательством.

Еще одна техника, которая помогает настроиться на текстовую работу — **рамки**. Рамки нам в принципе необходимы — когда можно творить без границ, авторы теряются. Да все теряются!

Поэтому нам нужно очертить место для творчества. И чем уже будут рамки, тем сложнее и интереснее.

Ограждать нашу фантазию можно по-разному.

Например, написать связный текст, в котором все слова начинаются на одну букву. Как в этом милом рассказе, где все слова начинаются с буквы П:

Прекрасная пара

Петр Петрович Петухов, поручик пятьдесят пятого Подольского пехотного полка, получил по почте письмо, полное приятных пожеланий.

«Приезжайте, — писала прелестная Полина Павловна Перепелкина, — поговорим, помечтаем, потанцуем, погуляем, посетим полузабытый полузаоросший пруд, порыбачим. Приезжайте, Петр Петрович, поскорее погостить».

Петухову предложение понравилось. Прикинул: приеду. Прихватил полуустертый полевой плащ, подумал: пригодится.

Поезд прибыл после полудня. Принял Петра Петровича почтеннейший папа Полины Павловны, Павел Пантелеймонович.

«Пожалуйста, Петр Петрович, присаживайтесь поудобнее», — проговорил папаша. Подошел плешивенъкий племянник, представился: «Порфирий Платонович Поликарпов. Просим, просим».

Появилась прелестная Полина. Полные плечи прикрывал прозрачный персидский платок. Поговорили, пошутили, пригласили пообедать. Подали пельмени, плов, пикули, печенку, паштет, пирожки, пирожное, пол-литра померанцевой.

Плотно пообедали. Петр Петрович почувствовал приятное пресыщение.

После приема пищи, после плотного перекуса Полина Павловна пригласила Петра Петровича прогуляться по парку. Перед парком простирался полу забытый полу заросший пруд. Прокатились под павлами. После плавания по пруду пошли погулять по парку.

«Присядем», — предложила Полина Павловна. Присели. Полина Павловна придвигнулась поближе. Посидели, помолчали. Прозвучал первый поцелуй.

Петр Петрович притомился, предложил полежать, подстелил полу стертый полевой плащ, подумал: пригодился. Полежали, повалялись, повлюблялись. «Петр Петрович — проказник, прохвост», — привычно проговорила Полина Павловна.

«Поженим, поженим!» — прошептал племянник.

«Поженим, поженим», — пробасил подошедший папаша.

Петр Петрович побледнел, пошатнулся, потом побежал прочь. Побежав, подумал: «Полина Петровна — прекрасная партия, полноте париться».

Перед Петром Петровичем промелькнула перспектива получить прекрасное по-местье. Постеснился послать предложение. Полина Павловна приняла предложение, позже поженились. Приятели приходили поздравлять, приносили подарки. Передавая пакет, приговаривали: «Прекрасная пара».

Разумеется, художественная ценность такого текста — сомнительная. Но, повторюсь, цель таких упражнений — запустить механизм писательства.

Еще один вариант «рамок» — части речи. Что, если написать текст без существительных? Или без глаголов? Или из одних только прилагательных?

Маркетолог Это вообще возможно?

Филологиня Конечно! Безличные* и номинативные** предложения вам в помощь.

Писатель Да, помните фрагмент в «Онегине»:

Шум, хохот, беготня, поклоны,
Галоп, мазурка, валльс...

* Безличные предложения — это предложения, в которых действие происходит независимо от деятеля. Не сидится в хате тесной, не лежится на печи. / Жутко было оставаться в по-темках. / Всю эту музыку пора тебе бросить.

** Номинативные предложения — односоставные предложения, главный член которых обозначает наличие, существование предмета или явления в настоящем или вне времени и выражен именем существительным, личным местоимением, субстантивированной частью речи в именительном падеже. Предрассветная синяя тишина. / Морозный день, конец декабря.